

*Пигмалиону от офтальмологии,
замечательному хирургу
и замечательному человеку
Олегу Кировичу Костко
посвящаю эту книгу
с вечной благодарностью*

Глава 1

В торговом центре была толпа. И очень душно. И очень шумно. Ольга ненавидела толпу, духоту и шум. Еще ненавидела свое легкомыслие: как раз тех денег, которые она только что проела в кафетерии на третьем этаже магазина, не хватает, чтобы купить вполне приличные туфли. Туфли ей необходимы к завтрашнему дню. Все остальное — ерунда. По крайней мере, для первого визита она с Галкиной помощью экипирована. Не считая обуви. У Галки кое-что есть, но лапа на два размера больше.

Вот черт, что это продавщица так уставилась? Не хватало еще сочувствия этой матрешки свежепокрашенной...

Ой, как плохо. Ой, как тебе не стыдно... Скоро будешь бросаться на людей только за то, что у них кожаные туфли ручной работы и умненькие, понимающие глазки.

Избегая взгляда продавщицы, Ольга отвернулась к полкам, заставленным обувью на все случаи жизни, на любой вкус и на любой карман. Кроме ее кармана. Она ненавидела эту обувь. Слишком ее

много. Туфли, тапочки, ботинки, сапоги, босоножки... Да еще отраженные в зеркальной облицовке. Обувная толпа. Стадо. Ненавижу. И тут она увидела в зеркале свое отражение. Лицо желтое, как лимон. Глаза круглые, тоскливые. Чуть не до крови искушенные губы скривились, изображая презрительную улыбку. Чучело. Краше в гроб кладут. Ладно, надо уходить, пока дождь не начался.

Ольга надела черные очки, отвернулась от полок с обувной толпой и наткнулась на продавщицу с умненькими глазами и сочувственной улыбкой. Как это она вдруг рядом оказалась? И зачем? Только бы не заговорила.

— Столько всего, а выбрать нечего, правда? — все-таки заговорила продавщица. — У меня самой всегда с обувью проблемы. Никогда не могу удачно выбрать. То трет, то жмет, то каблук высокий, то цвет — ни к селу ни к городу...

— Да. — Ольга постаралась отвечать спокойно. — Да, обувь — это проблема...

— У меня большие пальцы на ногах были обморожены, — пожаловалась продавщица. — Если обувь хоть чуточку жестковата — все, не могу носить. Такая боль, прямо никакого терпения. Тоска.

— Тоска, — согласилась Ольга и неожиданно для себя добавила: — У меня то же самое.

Продавщица глянула на ее разношенные тенниски и понимающе покивала:

— А-а-а... Тогда вам надо осторожно выбирать. Вы что искали — на каждый день или на презентацию?

— Вообще-то на презентацию. — Ольга поймала себя на том, что улыбается. Совершенно спокойно и естественно. — Но хорошо, если бы и на каждый день подошли.

— Такие? — Продавщица выставила вперед ногу и повертела стопой.

Туфли, конечно, у нее классные. Сказка, а не туфли. Такие туфли не могли сделать на фабрике.

Эти туфли наверняка выросли и расцвели на кусте темно-красных, бархатистых, нежных роз...

— Красные я никогда не надену, — вздохнула Ольга. — Вот если бы светлые... Бежевые или серенькие...

Ольга говорила так, будто за бежевые или серенькие она прямо сейчас выложила бы несколько тысяч. Не задумываясь. Актерка. Лицемерка. А с другой стороны — все правильно, отдала бы не задумываясь. Если бы у нее эти несколько тысяч были.

Продавщица вдруг оживилась:

— Кажется, одна пара светлых оставалась. Не помню, вроде кто-то отложил. Взять хотел, а потом... Нет, не помню. Могу поискать. У вас какой размер?

Ольгу затошнило. Ну кто тебя за язык тянул? Ну почему ты все время напрашиваешься на неприятности? Она опять увидела свое отражение в зеркалах за подставками и мысленно дала себе пощечину. Спокойно. Хватит истерик. Нечего себя жалеть. У нее все хорошо. Никаких неприятностей. Девочка просто очень профессиональный работ-

ник. Продавец суперкласса. Ее задача — продать товар. Она ничего о тебе не знает и, уж конечно, не хотела тебя обидеть.

— Да. — Ольга почувствовала себя виноватой. — Поищите, пожалуйста. Я пока пойду сумки посмотрю.

— Не торопитесь, — великодушно разрешила продавщица. — Я полчаса провожусь, это точно. Забыла, куда их сунули... Если они вообще остались.

Хоть бы их не было! Хоть бы она не нашла эти проклятые туфли, думала Ольга, пробираясь сквозь толпу к галантерейному отделу. И еще думала: после толкания в толпе три часа просидит у Галки в садике, закрыв глаза и заткнув уши ватой. А какого дьявола вообще надо толкаться в толпе, пробираясь к сумкам? Все равно она ничего не собиралась покупать.

А потом она увидела эту маленькую девочку. Девочка стояла в центре пустого пространства, каким-то неизвестным науке способом образовавшегося посреди бурлящей людской массы. Ни один человек почему-то не переступал невидимых границ этого круга. Вроде бы никто не обращал внимания на маленькую девочку. Похоже, ее вообще не замечали. Каждый в толпе был озабочен своими проблемами, каждый увлеченно убивал свой обещанный перерыв на гонку от прилавка к прилавку и не смотрел на то, что не было товаром. Но каждый, кого толпа выносила к этому свободному пространству с ребенком посередине, вдруг тормозил,

будто не решаясь переступить невидимую границу. Пятился или шарахался в сторону, втягивался обратно в толпу. А девочка в центре свободного пространства медленно кружилась, расставив в стороны руки и слегка запрокинув темную кудрявую голову.

Компас, подумала Ольга. Одна рука ищет север, другая — юг. Такой прелестный живой компас в белом платье.

Девочка, медленно кружась, повернулась к Ольге славной смуглой мордашкой, и Ольга схватилась рукой за горло... У девочки были огромные, неподвижные, напряженные глаза, и Ольга догадалась бы обо всем, даже если бы на шее у ребенка не висели на цепочке очки с толстыми, как дно стакана, затемненными стеклами, в центре которых светились оконца глубоко выдавленных линз. Наверное, минус восемнадцать-девятнадцать. Ах ты чижик одинокий...

— Эй, — негромко позвала Ольга, опускаясь на корточки. — Эй, ты кто, чижик?

Девочка остановилась, опустила руки и слегка вытянула шею, прислушиваясь.

— Вот она я. Прямо перед тобой, — подсказала Ольга осторожно.

— Я знаю, — отозвалась девочка с неожиданно снисходительной интонацией и уверенно шагнула к Ольге, протягивая руки с растопыренными пальцами. — Я твои слова унюхала. Ты вкусно пахнешь.

— Это я недавно ватрушку ела, — объяснила Ольга. — Она с ванилью. А ты почему здесь одна?

— Я не одна. Я с папой, с Ниной, с Сашей-маленьким, и еще там, в машине, новый шофер дядя Слава. Мы приехали мне подарок искать. Мне завтра буквально пять лет. А потом мы с Ниной от них ушли, а потом я от Нины ушла. Я тоже ватрушку хочу. С ванилью.

Ольга подхватила девочку на руки, и та обняла ее за шею руками, а ногами — за талию, уютная, как котенок, крепкая, как щенок, и цепкая, как обезьянка. Толпа тут же заняла свободное пространство.

— Ну, пойдем ватрушку есть, — согласилась Ольга. — Только сначала зайдём в радиоузел и объявим твоему папе и всем-всем-всем, что ты нашлась и ждешь в кафе. Тебя как зовут?

— Анна Игоревна, — прошептала девочка Ольге на ухо. — А тебя?

— А меня Ольга, — так же шепотом ответила Ольга, улыбаясь неизвестно чему.

— Это изумительно. — Шепот, щекочущий шею Ольги, был полон тепла и симпатии. — Я тебя буду звать Оленька. Ладно? У тебя красивый голос.

— Не обманывай. У меня вообще голоса нет, — шептала Ольга, прижимая к себе маленькое, но довольно увесистое тельце и осторожно поднимаясь по ступенькам лестницы наверх. — Я тебя буду звать Чижиком. Ты не против?

— Я не против. У тебя правда красивый голос. А меня все зовут Анна Игоревна. Вот глупые, да?

Так, шепчась и хихикая друг другу в ухо, они и добрались до радиоузла, который оказался рядом с кафетерием. Толстая потная тетка вытерла полый

форменного халата лоснящееся лицо, щелкнула тумблером и пронзительно заверещала в микрофон:

— Потерялся ребенок, девочка лет четырех, зовут Аня, родителей просят...

И тут Анна Игоревна неожиданно проявила характер. Она с такой силой рванулась из рук Ольги, что та чуть не уронила ее, и во весь голос завопила:

— Я не потерялась! Я сама от них ушла! Сначала мы от папы ушли и от Саши-маленького ушли, потом я от Нины ушла, а потом мы с Оленькой сюда пришли!

Толстая тетка от неожиданности не сразу выключила микрофон, и по всем этажам универсама разнеслись возмущенный детский крик, испуганное бормотание радиотетки и смех Ольги, которая к тому же с выражением декламировала:

— Я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, от медведя ушел, и от волка ушел...

Наконец микрофон выключили, и Анна Игоревна совершенно спокойно, но властно распорядилась:

— Я сама объявлю объявление.

Радиотетка злобно сопела и утирала лицо халатом. Ольга опять подхватила девочку на руки и виновато пробормотала:

— Ладно, мы ее папу в кафе подождем. Будем есть ватрушки и пить чай. Да, Чижик? — Она не хотела, чтобы девочка сердила радиотетку. И боялась, что радиотетка как-нибудь обидит ее Чижика. Надо же, Чижик, оказывается, уже ее.

Анна Игоревна вдруг напялила на нос свои желтые очки и стала рассматривать лицо Ольги.

— Сними очки, — приказала Анна Игоревна.

Ольга, придерживая одной рукой девочку, другой стащила свои светофильтры размером с тележное колесо и попыталась не очень щуриться от солнца, бьющего в окно.

— Ты красивая, — серьезно заявила Чижик. — Зачем тебе такие черные очки?

— Мне свет мешает. Я не люблю, когда очень яркий свет.

— А я люблю, когда свет...

— Ну, что вы там шепчетесь? — вмешалась радиотетка с плохо скрываемым раздражением. — Что, в конце концов, объявлять-то?

— Чижик у завтра исполняется буквально пять лет, — быстро нашлась Ольга. — Ее зовут Анна Игоревна. Она здесь с папой, с Ниной, с Сашей-маленьким и еще с шофером в машине. И от всех ушла. А от меня ни за что не уйдет. Мы пошли в кафе есть ватрушки с ванилью. Если кто-то хочет, пусть ищет нас там.

Глава 2

— ...Зовут Анна Игоревна... Завтра ей исполняется пять лет... — Голос в динамике запнулся и вдруг добавил: — Буквально... — Послышался сдавленный кашель, вздох и бумажный шорох. — Девочку повела в кафетерий на третьем этаже девушка в белом. — В динамике опять покряхтели и выдали с осуждающей интонацией: — Они обе в белом.

Игорь резал толпу плечом, стараясь не сбить кого-нибудь с ног, и машинально извинялся, задевая чужие локти-спины-бока.

— Извините, извините, извините, извините... — Слишком много народу. За две минуты он перевыполнил годовой план по извинениям. Нет, он убьет эту Нинку... — Извините... — А если с Анной хоть что-нибудь не так, убьет эту Нинку два раза. — Извините, пожалуйста...

Саша-маленький, мчащийся за ним сквозь толпу, подхватил того, кто оказался слишком легким для столкновения с плечом Игоря, и теперь перевыполнял собственный план по извинениям:

— Извините, извините... у нас проблемы, очень серьезные... извините... разрешите пройти...

— Разрешите пройти! — не выдержав, во весь голос рявкнул Игорь на лестнице, забитой народом.

Люди машинально шарахнулись в стороны, и он понесся вверх, прыгая через несколько ступенек и в начале каждого лестничного пролета разметая толпу тем же криком. Если проблемы действительно серьезные, он убьет эту Нинку десять раз подряд. И Александра он тоже убьет.

На третьем этаже народу почти не было, Саша-маленький догнал его и зашагал рядом, бодро бубня над ухом:

— Да ладно, Игорь Дмитрич, все будет нормально. Если бы чего — так объявили бы, да? А то вон в кафе, кушают, наверное...

— Молчи, — процедил сквозь зубы Игорь. — Разговариваешь много, р-р-работничек.

— Да они вместе с Ниной были, ей-богу! — взвился Саша-маленький. — Она ее за руку держала! Я ж сам видел!

Они завернули за угол, украшенный стрелкой с надписью «Кафе», и чуть не налетели на Нину, которая, видимо, очень старалась опередить их, но не сумела из-за тугой, как перчатка, юбки и каблуков немыслимой высоты. Почти у дверей кафетерия Игорь настиг отчаянно семящую девушку и резко остановил ее, схватив железной хваткой длинную изящную шею. Нина сдавленно пискнула, покачнувшись и взмахнув руками, и, не глядя на Игоря, занудила со слезой в голосе:

— Игорь Дмитрич, честное слово, я ее все время за руку держала, честное слово! А потом она говорит: «Дай мне платок», — честное слово! А я ее отпустила, платок достала, а ее уже нет! Ну, честное слово! Я бы ее сама нашла, а тут по радио... Ну, честное слово, пять минут не прошло, честное слово... Конечно, я виновата...

Игорь отпустил ее, вынул носовой платок и машинально вытер пальцы. Он тяжело молчал, разглядывая хорошенькое личико Нины, всегда такое самоуверенное, чтобы не сказать надменное. Сейчас на нем не читалось ничего, кроме паники.

— Да вон она, — осторожно вмешался Саша-маленький, кивая на стеклянные двери кафе. В голосе его мелькнуло искреннее изумление. — Смеется! Вон она, на коленке у белой девчонки.

Игорь глянул сквозь двери и тоже удивился. Анна и вправду смеялась. И не просто смеялась —

хохотала вовсю, заливалась, обнимая совершенно чужого человека, какую-то постороннюю девчонку вызывающего вида — белые бесформенные штаны, белая мужская рубаша с закатанными рукавами, белые тапки, белая шляпа с огромными висячими полями. Иностранка, что ли? Девчонка стояла у высокого столика, поставив правую ногу на металлический круг, соединяющий ножки стола внизу, и на ее согнутом колене сидела его Анна Игоревна, удобно опираясь спиной на обнимающую ее чужую руку.

Анна за обе щеки уплетала ватрушку, что-то чирикала девчонке в ухо и смеялась. Девчонка тоже что-то уплетала, что-то шептала Анне на ушко и смеялась. У белой девчонки были оливково-смуглая кожа, очень темные, почти вишневые, губы и яркие белые зубы. Об остальных чертах лица не позволяли судить огромные черные очки и огромные же, неровно обвисающие поля шляпы. В кафетерии было человек десять, и все до одного, включая буфетчицу и подсобного рабочего, притащившего ящик с бутылками, не отрывали глаз от этой белой девчонки с его Анной Игоревной. Игорь вдруг понял, что улыбается. Потом поймал взгляд Нины, которая, кажется, решила, что ее сегодня еще не будут убивать, и тут же перестал улыбаться.

— Свободна, — буркнул Игорь, мельком глянув на тут же запаниковавшую Нину, и обернулся к Саше-маленькому: — Посади в машину, проводи до дому, позвони Тамаре, чтобы к завтрашнему дню

приготовила расчет. Через пятнадцать минут машину — сюда, сам можешь пропасть до четырех.

Не слушая плаксивого вяканья Нины и виноватого «бусделано» Саши-маленького, Игорь повернулся и шагнул к входу в кафетерий. Перед дверью чуть помедлил, ощущая, как медленно тает недавний страх, как приходит облегчение, а вместе с ним — неожиданный и неприятный взрыв ревности к чужой девчонке, с которой его Анне Игоревне, по-видимому, весело. Интересно, о чем они там шепчутся?

Глава 3

Анна Игоревна оказалась замечательной собеседницей. Совершенно недетская уверенность в себе, совершенно не по-детски обширный словарный запас — и восхитительно детские забавные конструкции, которые она непринужденно лепила из взрослого лексикона. Ольга боялась, что за ее Чижиком придут слишком скоро.

— Они быстро не придут, — будто читая ее мысли, уверенно заявила Анна, когда они устроились за высоким столиком, взяв две чашки чаю, ватрушки и рулет с орехами. Всё равно денег на туфли не хватает, махнула рукой Ольга, а рулет с орехами, как оказалось, они обе сто лет не ели.

— Почему ты так думаешь? — с надеждой спросила Ольга.

— Я не думаю, я знаю. — Анна многозначительно поджала пухлые розовые губки. — Папа и Са-

ша-маленький пошли в подвал. А Нина радио не слушает.

— Почему Нина не слушает радио? — удивилась Ольга. — И зачем папа с Сашей пошли в подвал? И почему Саша-маленький? Он кто?

— Нина слушает музыку... ну, где продается музыка. Папа с Сашей-маленьким пошли в подвал смотреть, что бы там получше бы посмотреть. Саша-маленький потому, что маленький еще. Большой тоже Саша, но они не братья. Они с папой работают. Я понятно объясняю?

Ольга обнимала Чижика, вдыхала чудесный аромат детского тельца, слушала чуть картавящий детский голос, довольный, негромкий смех и наслаждалась каждой секундой, пока никто не пришел и не вынул у нее из рук Чижика. И так этих секунд осталось мало, незачем тратить их на мысли о расставании.

— А что тебе подарят? — поинтересовалась Ольга, вытирая липкие лапы Чижика бумажной салфеткой, смоченной чаем.

— Пианину. — Анна тяжело вздохнула. — Я краски хотела, разноцветные. Чтобы рисовать. А то все рисуют, а я, значит, как дура на пианине играть должна.

— Ну почему, — рассудительно возразила Ольга. — Музыкаке учиться тоже неплохо.

— Я эту проклятую музыку терпеть ненавижу... — выразительно начала Анна.

Но Ольга уже отвлеклась от темы. Зря она сюда ребенка привела. Лучше бы остаться с той толстой